

— Разве это причина, чтобы ночевать вне дома и каждую ночь украдкой сбегать сюда? — Юэ Инъян еще днем твердо решил: если Сыту Гунхун появится сегодня ночью, он не станет с ним любезничать, оттого и прибег к угрозе мечом. Однако, видя теперь жалкий вид Сыту Гунхуна и зная, насколько глубоки его чувства, Юэ Инъян давно забыл о своих утренних намерениях. Лишь упрямство и желание сохранить лицо заставляли его держаться до последнего.

Эти двое оказались в центре скандала после того, как Император, поддавшись своим прихотям, закатил пышную свадебную церемонию. Впервые в истории Великой Святой Династии однополая связь императорской семьи стала достоянием общественности, из-за чего высокопоставленные сановники едва не отправились прямиком к Нефритовому Владыке от ярости. Но поскольку подобное самодурство Императора было чересчур возмутительным и затрагивало основы государственного строя, министры, придя в себя, принялись дружно оказывать давление на правителя.

Сыту Гунхун привык считать, что в Поднебесной лишь его слово имеет вес, однако понимал: стабильность работы двора зависит от лояльности чиновников. Поэтому, когда все министры подали прошение об аннулировании свадьбы, он долго колебался, но под суровыми, гневными взглядами подданных был вынужден уступить. Он приказал Юэ Инъяну временно прекратить посещение двора, надеясь хоть немного смягчить атмосферу.

А пять дней назад, когда страсти немного утихли, Сыту Гунхун, не в силах больше терпеть муки разлуки, подкупил стражу и сбежал из дворца в поместье генерала. Увидев Юэ Инъяна, он выплеснул все обиды, что накопились у него на душе. Юэ Инъян, понимая, что даже у великого правителя нет свободы в делах сердечных, ласково и кротко «немного» утешил его. Кто бы мог подумать, что Сыту Гунхун, распробовав сладость этих встреч, начнет навещать в поместье каждую ночь! Он не привык скрывать свои следы, чем привлёк внимание слуг, что и вывело Юэ Инъяна из себя. Он хотел сегодня проучить гостя, чтобы тот оставил свои визиты, но, увы, попытка провалилась.

— Мне бы хотелось привязать тебя к себе, каждую ночь заключать в объятия, чтобы ты не видел ни солнечного света, ни луны, запереть в глубине гарема, чтобы эти косные старики не смели тебя задевать. Твой отец еще не... — Сыту Гунхун не договорил слово «побьет».

В тот день, когда старый генерал Юэ узнал, что сын, которого он растил с таким трудом, его надежда и гордость, тайком сошелся с Императором, он не нашел ничего лучше, кроме как отыграться на самом Юэ Инъяне. Генерал заставил сына встать на колени у Полуденных Врат и безжалостно, не жалея сил, стегал его толстым, как рука, терновым кнутом, пока Император не выбежал из дворца и не бросился на защиту Юэ Инъяна. На теле Юэ Инъяна остались сотни шрамов, кровоточащие раны потрясли Сыту Гунхуна до глубины души. Он был готов тут же бросить старого генерала, ветерана трех династий, в темницу, но лишь мольбы Юэ Инъяна и уговоры верного евнуха Ли заставили его отступить.

Он лично доставил Юэ Инъяна в поместье, а затем, горько взмахнув рукавами халата, развернулся и ушел. Вот почему после того, как все немного успокоилось, он каждую ночь приходил в поместье, оставляя следы. Он хотел, чтобы вся страна знала: Юэ Инъян — его супруг, и это свершившийся факт!

— Конечно, нет. На самом деле, виноват я. Если бы мой сын совершил такую глупость, я бы, боюсь, бил еще сильнее. Обычно ты не принимаешь государственные дела близко к сердцу, а тут вдруг так разволновался. Разве бывают у отца с сыном обиды, длящиеся дольше ночи? — Юэ Инъян выпрямил спину, и, заметив, что Сыту Гунхун смотрит на него с тревогой, немного расслабился.

Сыту Гунхун знал, что Юэ Инъян сейчас немного напряжен — его слова были призваны утешить не столько его, сколько самого себя. Все при дворе знали об ослином упрямстве старого генерала Юэ. Еще в молодости, когда он занимал низкий пост, он был готов рискнуть головой, лишь бы настоять на своем в споре с генералом на поле боя. Однако все эти дни старик, вернувшись в свой дом, больше не появлялся в поместье Юэ Инъяна, лишь забрал у сына все полномочия и установил строгий надзор, ясно показывая, что его гнев не утихнет так просто.

— Мы... мы совершили глупость? У каждого чиновника при дворе полным-полно наложников и мальчиков для утех, но стоило мне искренне полюбить тебя, как они тут же заклеямили это величайшим грехом... Неужели они не понимают, что ты — единственный человек, которого я достоин любить? — Слезы Сыту Гунхуна упали на плечо Юэ Инъяна, обжигая горячей влагой, но, достигнув сердца, они превратились в теплый источник, мягкий и нежный.

— Ну чего ты снова плачешь, как ребенок? Если бы воины узнали, что их Император, от одного имени которого они дрожат, в душе такой плакса, они бы тоже расплакались. — Юэ Инъян уже видел его слезы, но не ожидал, что их будет так много, словно они готовы утопить его самого. Он отвел его к кровати, пытаясь пошутить, но лишь осознал собственную неуклюжесть.

— Хочу и плачу! И буду плакать только перед тобой, плевать мне на этих слуг, что едят жалованье и только и умеют, что болтать! — Сыту Гунхун всегда был своенравным. Даже сейчас, под гнетом недовольства чиновников, он считал, что его императорский гнев куда важнее.

Он хотел быть сильнее, стать таким Императором, на которого Юэ Инъян мог бы положиться, властителем, способным вершить свою судьбу. Но на деле это оказывалось невыносимо трудно.

После того как Император «вышел замуж», министры, прежде опасавшиеся его величия, теперь, словно сговорившись, подвергали сомнению каждое его решение и придирались к каждому указу. Особенно престарелый канцлер, откопавший старое завещание покойного императора, где упоминалось, что в особых случаях можно привлечь ванов к управлению государством...

Конечно, он не мог признаться в этом Юэ Инъяну, но, оказавшись в его покое, в этой тихой и спокойной обстановке, слезы сами хлынули из глаз. Он твердил себе, что нельзя, но не мог даже вытереть лицо и чуть не разрыдался в голос.

— Не бери в голову чужие слова. Я и так большую часть времени провожу в поместье, ничего страшного не случится. Перестань себя изводить. Хватит сегодня плакать, завтра никто не

должен ничего заметить. Пусть при тебе будет только евнух Ли, потерпи немного... — пока Юэ Инъян продолжал свои увещания, Сыту Гунхун решительно поднялся.

— Потерпеть? С чего бы мне терпеть? Этот брак уже заключен, и я никогда не расторгну наш союз! Даже если это против всех законов, я пойду против воли Небес! Я не только хочу быть супругом, я хочу, чтобы это имело законную силу! — Сыту Гунхун вскочил и закричал так громко, что Юэ Инъян даже забыл зажать ему рот.

Упомянув о «законной силе», Сыту Гунхун густо покраснел и осекся: он вспомнил, что обряд уже был совершен давным-давно, так что формально он и так законный супруг.

Юэ Инъян мог лишь покачать головой и горько усмехнуться, радуясь, что эта вспышка хоть немного разогнала давящую атмосферу. Но теперь воздух снова наполнился двусмысленностью.

— Инъян... тебе неприятно меня обнимать? — Иначе почему инициатива всегда исходит от него, а Юэ Инъян никогда не проявляет порыва?

— Зная, что я к тебе чувствую, зачем задавать столь поверхностные вопросы? — Юэ Инъян притянул Сыту Гунхуна к себе, они легли рядом, и он накрыл их обоих одеялом, деланно сердясь.

— Тогда почему...

— Потому что жалею... — Жалею, чтобы не поранить тебя, не довести до слез, не видеть твою усталость, когда наутро нужно идти ко двору, не слышать, как о тебе сплетничают за спиной...

— Инъян... — Сыту Гунхун выдохнул сладкий стон, потираясь щекой о шею Юэ Инъяна. — Сегодня я не хочу двигаться, давай ты... — Время, когда Юэ Инъян заключал его в объятия, казалось таким далеким. Сейчас же теплое и сильное тело было рядом, и стук его сердца отдавался в ушах.

— Ваше... Гунхун... — Юэ Инъян перевернулся и посмотрел сверху вниз на полуприкрытые глаза Сыту Гунхуна, в которых мерцали искры звезд. Сердце сладко сжалось, и он нашел его губы в страстном поцелуе.

Император, наконец добившийся своего, не упустил случая вцепиться в него всеми конечностями. Руки крепко сжимали распахнутый ворот халата Юэ Инъяна, жадно ловя новые ощущения.

Юэ Инъян был полностью поглощен этим наслаждением, позволявшим забыть о тревогах и суете мира. Сначала он еще прислушивался к шорохам снаружи, но когда Сыту Гунхун под его руководством наконец издал стон, в голове словно ударил гром, и вся бдительность исчезла.

— Инъян...

— Мерзавцы! Вы... вы что творите?! — Старый голос, полный недоверия, гнева и удара, прорезал тишину комнаты. Генерал Юэ Вэйго стоял в дверях, сжимая кулаки. Его глаза были широко раскрыты, а на лбу вздулись вены — он едва сдерживал ярость.

— Отец, — Юэ Инъян поднял голову, голос его был холоден.

Сыту Гунхун все еще висел на нем, одежды были распахнуты, глаза полуприкрыты — любой мог понять, чем они занимались. Юэ Инъян не ожидал, что отец внезапно появится в его поместье, и мысленно вздохнул: только что утихшая буря грозила вернуться с новой силой. Он осторожно уложил Сыту Гунхуна в сторону, укрыл его одеялом и встал, преграждая путь между Императором и отцом.

Сыту Гунхун, кутаясь в одеяло, поспешно застегнул халат, который надел, уходя из дворца, и, бледный, встал рядом с Юэ Инъяном.

Если бы сейчас перед ними был кто-то другой, Сыту Гунхун нашел бы способ заставить его замолчать навсегда, а потом придумал бы повод, чтобы тот исчез. В худшем случае, он выслушал бы пару упреков от добросердечного Юэ Инъяна. Но сейчас этот метод был бесполезен, ведь перед ними стоял отец Юэ Инъяна, который так дорожил родственными узами, а сам Юэ Инъян был воплощением сыновней почтительности.

— Не смей меня так называть! Я считаю, что у меня нет ни сына, ни дочери, а все мужчины клана Юэ погибли на полях сражений, защищая страну! — каждое слово старого генерала звучало жестко и беспощадно, ранив более тысячи вражеских стрел.

Сказав это, он перестал смотреть на сына, вошел в комнату, аккуратно закрыл дверь и на глазах у Императора и Юэ Инъяна тяжело опустился на колени, совершая низкий поклон.

— Старый генерал Юэ, — позвал его Сыту Гунхун, но тот не ответил, продолжая бить поклоны. Сделав три земных поклона, он поднялся, прошел три шага и снова упал на колени, продолжая кланяться. Звук ударов лба о пол отдавался в сердце Сыту Гунхуна, вызывая тошноту и желание выхаркнуть кровь. Юэ Инъян вдруг пошатнулся и рухнул на колени, его мужественное лицо было залито слезами, но он, казалось, ничего не чувствовал, лишь беззвучно шептал: Отец. Император приблизился и понял, что Юэ Инъян сжимает зубы, не смея издать ни звука.

Трое мужчин застыли в комнате, каждый раздираемый невыносимой мукой. Наконец генерал дополз до ног Сыту Гунхуна и склонился, а на пол капнула кровь с разбитого лба.

— Ваше Величество... я плохо воспитал сына, и теперь он совершил злодеяние, противное воле Небес и людей. Прошу, будьте милосердны, позвольте мне самому казнить преступника, чтобы не запятнать вашу честь! Прошу, издайте указ! — Услышав это, Юэ Инъян и Сыту Гунхун

оцепенели.

Сыту Гунхун смотрел на старика, который внезапно стал ему чужим. Он понял, что никогда по-настоящему не знал человека, который ставил интересы государства выше собственного сына. Он защищал не интересы Сыту Гунхуна — он защищал Великую Святую Династию. Неважно, кто сидит на троне, он поступил бы так же.

— Неужели в ваших глазах мы с Инъяном настолько ничтожны? Неужели всё должно закончиться смертью? Старый генерал, вы ослепли... вы правда ослепли! Инъян, вставай! Тебе не за что стоять перед таким отцом! — Он попытался поднять Юэ Инъяна, но тот напряг всё тело, вложив всю тяжесть в ноги, и даже Сыту Гунхун, приложив все силы, не смог сдвинуть его ни на дюйм.

— Отец, если вы прикажете, я сам наложу на себя руки, лишь бы не пачкать ваши руки кровью... — с болью в голосе проговорил Юэ Инъян, но не дождался даже взгляда от отца.

— Инъян! — выдохнул Сыту Гунхун. — Ты хочешь умереть, а как же я? Ты бросишь меня вот так? Неужели я для тебя всего лишь... всего лишь...

— Гунхун... — Юэ Инъян сказал те слова, будучи подавленным поведением отца, движимый лишь импульсом — он был готов умереть, если бы это принесло отцу покой. Но услышав крик Сыту Гунхуна, он внезапно очнулся: действительно, у него есть тот, кого он обязан оберегать, о ком обязан заботиться. Если он умрет, то и в загробном мире не обретет покоя.

Он поднял взгляд на Сыту Гунхуна, чье отчаяние в словах лишь о смерти пронзило его сердце. Что значит «всего лишь»? Разве можно измерить его чувства столь пустыми словами? Они смотрели друг на друга и безмолвно плакали.

Но... теперь ситуация действительно зашла в тупик, где смерть казалась единственным выходом.

— Ваше Величество, издайте указ! Сиюминутное заблуждение может привести к пожизненному раскаянию! — генерал Юэ не смотрел на них, лишь опустив голову, сжимая зубы в ожидании указа.

— Старый генерал... — Император говорил, стоя над ним, но к концу фразы его голос раздался у самого уха. Юэ Вэйго в изумлении поднял голову и увидел, что Сыту Гунхун, величественный Император, опустился перед ним на колени, крепко сжимая руку его сына. Прекрасные глаза были полны слез, горе было безмолвным. Перед ним был не правитель, а одинокий, отчаявшийся юноша, у которого вот-вот отнимут последнюю опору. Юэ Вэйго не мог отвести взгляд.

— Меня провозгласили наследником в пять лет. В девять лет мой отец из-за случайной ошибки матери приказал казнить ее и лишил меня статуса наследника. Лишь в двенадцать, когда

нового наследника сместили, меня восстановили, а затем я взошел на престол... В четырнадцать лет мою супругу постигла та же участь... В тот год в императорской библиотеке я впервые увидел Инъяна... — Сыту Гунхун всхлипывал, чувствуя, как Юэ Инъян сжимает его ладонь, и находил в этом силы продолжать.

— Я по своей прихоти хотел сломать его самыми жестокими, подлыми, нечеловеческими способами. Но он был тверд и прям, он не склонился передо мной. Напротив, это я был покорен им. Я угрожал ему жизнями его семьи, жизнями всех придворных, я рисковал всем, чтобы подделать завещание покойного отца и спасти его, я насильно удерживал его рядом — и так тянется уже семь лет...

Но он не принадлежит мне одному. Он — генерал, самый храбрый, самый добрый, самый сильный генерал в глазах всего народа! И он должен был жениться, чтобы оставить наследника клана Юэ, чтобы после смерти на поле боя его душа не стыдилась предстать перед предками.

Я был в ярости, потому что перепробовал всё, чтобы заставить его отказаться от этого. Я угрожал Хун Яо, но он все равно женился. Несмотря на то что накануне свадьбы мы дрались, несмотря на то что я впервые плакал, умоляя его, несмотря на все мои мольбы... Там, где мы были счастливы, он женился на женщине, которую выбрал сам...

Сыту Гунхун рыдал, словно та невыносимая боль снова разрывала его сердце. Юэ Инъян качал головой, умоляя его не повторять этот печальный рассказ, но Сыту Гунхун, глядя на оцепенелого Юэ Вэйго, продолжал дрожащим голосом:

— Позже я даже хотел его убить. Его существование было для меня слишком мучительным. Я не мог позволить такому ужасу продолжаться и отправил его в поход в день свадьбы! Я приказал подстроить засаду, чтобы его пронзила стрела, когда он обернется спиной к врагу! Я поставил его под командование генерала, с которым они были в ссоре. Мой план удался: стрела пробила грудь. Он сказал мне позже: «Генерал не может получить стрелу в спину от своих же». Он умирал! — Сыту Гунхун вскрикнул, перед глазами стоял окровавленный Юэ Инъян, ждущий смерти. Юэ Инъян не выдержал и на глазах у отца обнял его. Ощувив тепло Инъяна, Сыту Гунхун продолжил:

— Но я пожалел. Когда я спас его, тело еще было теплым, но лекари сказали, что он не жилец! Мое сердце словно вырвали с мясом, словно отсекли половину тела. Даже адские муки не могли сравниться с той болью.

А потом он проснулся и сказал мне: «Я готов был умереть, исполняя твой указ, но не ожидал, что теперь ты передумаешь. Говорят, слово государя нерушимо, а ты нарушил свой же указ — все еще ведешь себя как ребенок». Для меня не было музыки слаще этих слов, ведь я знал: он жив!

Но теперь... теперь лишь из-за твоего слова ты хочешь погубить Инъяна, которого я с таким трудом спас... — Сыту Гунхун замолчал, глядя заплаканными глазами на Юэ Вэйго.

— Неужели ты хочешь его смерти? Если Инъян умрет, я не останусь в живых. Раз уж я стал его супругом, то Великая Святая Династия станет моим приданым! Я заставлю всех чиновников, весь народ и все живое, до чего смогу дотянуться, последовать за ним в могилу! Почему вы не можете быть хоть немного милосерднее? Вы не просто сохраните сына — я тоже стану вашим сыном и буду почитать вас до конца дней. Инъян — тот, кем могут гордиться все родители в этом мире... — Сыту Гунхун разрыдался, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Я знаю... я знаю... конечно, я знаю, как хорош Инъян!

<http://bllate.org/book/21138/2144068>